

Политическая сатира на спичечных этикетках

Рисунок, шуточная песня, анекдот, памфлет, вообще острая насмешка, сатира — всегда занимали почетное место в политической и культурной жизни Франции. Достаточно вспомнить «Карманьолу», песенки Беранже, «Орлеанскую девственницу» Вольтера и «Остров пингвинов» Франса, рисунки Домье и Карапи д'Аша. В этом отразился живой, непосредственный, иронический характер народа, его «гальское остроумие».

Французская политическая карикатура всегда находилась в первых рядах общественной борьбы. Ее «героями» были Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта, Наполеон и Луи-Филипп, Клемансо и Пуанкарэ, современные нам министры и сам президент де Голль. Карикатурой не брезговали крупнейшие художники Франции — Доре, Гаварни, Тулуз-Лотрек и другие.

Расцвет французского сатирического рисунка начался после Июльской революции 1830 г. И вполне закономерно, что бурные события революции 1848—1849 гг., канун государственного переворота 2 декабря 1851 г. и восстановления империи — время, полное острых политических коллизий, ожесточенной борьбы классов, социальных групп и партий, не могло не оставить в истории французской политической графики заметного следа.

Завоеванные в февральские дни 1848 г. восставшими рабочими демократические свободы, в частности, отмена ненавистного «штемпельного сбора» — особого налога на газеты, способствовали усиленному развитию печати, в первую очередь — демократической. Появилось множество новых газет, в том числе и иллюстрированных. Иллюстрированная демократическая пресса, сыграла во французской революции 1848—1849 гг. большую роль. Ей посвящены специальные исследования¹.

И вот сейчас нам удалось познакомиться с совершенно новой формой политической карикатуры, изобретенной в 1848 г. в Марселе «Домом Роше» (*Maison Rochet*). Руководители этой фирмы превратили спичечные этикетки в своеобразные листовки, помещая на них злободневные сатирические рисунки.

Кто-то из французских коллекционеров оценил меткость и остроумие этих карикатур и сохранил их для потомства. Недавно во Франции был выпущен небольшой альбом этих этикеток под названием *«Quand l'Histoire sort des boîtes d'Allumettes»* (*«Как история отражается на спичечных этикетках»*).

¹ См., например, статью А. А. Трембицкой «Политическая иллюстрированная пресса во французской революции 1848 г.» в книге «К столетию революции 1848 года» (изд. 2-е, М., 1949).

Название необычное, но вполне справедливое. Карикатуры «Дома Роше» действительно являются ценнейшим историческим источником, который, откликаясь на злобу дня, повествует о политических настроениях революционных лет и даже о забытых или совсем неизвестных эпизодах общественной жизни и политической борьбы.

Спички во Франции появились в 1840 г. и во время революции были новинкой, нуждавшейся в рекламе. Эта необходимость, очевидно, помогла фирме Роше найти новый вид пропаганды своих изделий, «оживить» их политическими карикатурами. К тому же спички являются объектом массового сбыта. Следовательно, их продавцы должны были сообразовать направление карикатур на этикетках с настроениями массового потребителя — мелкого буржуа, рабочего, крестьянина. Отсюда демократический дух помещенных в альбоме рисунков. В этом их особенная ценность. Ведь карикатуры «Дома Роше» в какой-то мере отражают, следовательно, настроения народных низов, массы, тех слоев населения, которые почти не имели своих газет и почти не писали мемуаров.

Одновременно карикатуры на этикетках могли быть и орудием преднамеренного влияния определенных кругов на демократические массы, одним из способов формирования общественного мнения, средством агитации и политического воздействия.

По этим причинам изданная во Франции подборка этикеток «Дома Роше» заслуживает пристального внимания не только коллекционера-филумениста, но и историка.

Раскроем альбом. Естественно, что спичечные этикетки (с этого и начинается альбом) не могли не отозваться на февральскую революцию 1848 г. и отразили некоторые эпизоды восстания 22—24 февраля, в котором народ, и в первую очередь рабочие Парижа, свергли ненавистную Июльскую монархию «жирного-голового» короля банкиров Луи-Филиппа.

Как известно, внешним поводом для восстания народа послужил запрет правительством банкета (в то время банкеты, по сути дела, являлись политическими митингами) оппозиционеров-республиканцев. Изображенный на рис. 1 последний король Франции Луи-Филипп говорит своему последнему председателю совета министров — Гизо: «Завтра, 22-го, мы похороним последние остатки свободы». Гизо, крупный ученый-историк, изображен сидящим на толстых томах.

Чем же кончились попытки «похоронить свободу»?

На рис. 2 изображен человек в военной форме, сдувающий трон и прочие королевские регалии. На этикетке надпись: «Порыв ветра в феврале 1848 г.». Понятно, что национальный гвардеец: переход национальной гвардии — гражданского ополчения, состоявшего главным образом из буржуазии, на сторону восставших — решил исход борьбы.

На этикетках представлены и возникновение и конец Июльской монархии. В 1830 г., когда после свержения династии Бурбонов во Франции развернулась борьба между республиканцами и монархистами, политические вожди крупной буржуазии провозгласили правление герцога Орлеанского «лучшей из республик» и добились его возведения на престол под именем Луи-Филиппа. На рис. 3 новый король, изображенный в виде базарного фокусника, накрывает чем-то статуэтку республики: «Первая партия моя». И надпись: «1830». На обороте же (рис. 4) надпись: «1848», и уже республика, нарисованная по традиции в виде молодой женщины с именем Марианны, накрывает красной шапкой, одним из символов свободы — фригийским колпаком, скульптуру короля со словами: «А последняя — моя!».

Художники «Дома Роше» зло высмеяли «героев» революции. Вот буржуа, требующий наклады за свое участие в восстании: «Я вовсе не побледнел от страха! Я видел бастионы 24-го и охранял их 25-го» (рис. 5). Ирония основана на том, что победа была одержана в первый из упомянутых дней, а во второй — боев уже не было.

Следующая этикетка (рис. 6) прямо-таки является иллюстрацией воспоминаний русского революционера М. А. Бакунина о первых днях французской республи-

лики: «Из окон выглядывали боязливо толстые лавочники с поглупевшими от ужаса лицами»². Двое буржуа высываются из подвала: «Нет ли опасности? Можем ли мы выйти?». А впереди них какой-то «бешеный» с саблей, но в бумажном шлеме: «Мы всех убьем, разорим, сломаем!».

Художники этикеток не щадили ни придворных, вчера пресмыкавшихся перед королем, а сегодня — кланяющихся Республике (рис. 7), ни префекта, срочно вытаскивающего из шкафа, полного символами различных режимов, бюст Марианны и прячущего туда короля (рис. 8), ни модниц, стремящихся к эмансипации, а посему надевших военную форму и размышающих — не прицепить ли еще и бороду (рис. 9).

В альбоме воспроизведены и две карикатуры (рис. 10 и 11), свидетельствующие о незаурядной политической проницательности авторов. На одной стороне коробки изображены обнимающиеся буржуа, солдат и рабочий. Надпись: «Дело сделано. Чего мы хотим? Добра всем! Останемся объединенными...». А на обороте — они же напряженно ждут, кому достанется выигрыш в рулетке. Это ли не едкая насмешка над комедией «всеобщего братства», разыгрываемой господствующими классами, чтобы обмануть народ!

Вновь учрежденная республика испытывала весьма серьезные финансовые затруднения. Но возглавлявшие временное правительство право-республиканские лидеры упорно отказывались от прогрессивных мер выхода из кризиса. Вместо этого они увеличили на 45 процентов уплачиваемые населением прямые налоги, взымавшиеся с имущества и ударявшие, главным образом, по мелким собственникам. Тем самым буржуазные республиканцы оттолкнули от республики самый многочисленный в то время класс — крестьянство и сделали первый шаг, приведший ее к гибели. Это уловил «Дом Роше», изобразивший Марианну «отягоченную налогами» (рис. 12), согнувшуюся под тяжестью денежных мешков, в которых лежат налоговые поступления.

Приведенные в альбоме этикетки, как мы видим, затрагивают самые разнообразные стороны французской политической и общественной жизни первых месяцев революции. Перечислять все подряд было бы слишком долго и неинтересно. Нам представляется нужным структурировать достойные упоминания рисунки по трем темам, весьма важным как в жизни Франции 1848—1852 гг., так и в научном отношении. Это — французский утопический социализм и коммунизм, международная реакция и интриги могильщиков республики.

Французский утопический социализм Фурье и Сен-Симона занимает в истории мировой общественной мысли весьма почетное место. В. И. Ленин называл его одним из источников марксизма. Но при всех своих положительных качествах — резкой критике капитализма и феодализма, пропаганде идеалов будущего и т. д. — социалисты-утописты не сумели «ни разъяснить сущность наемного труда при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»³.

В 1848 г. последователи великих социалистов-утопистов оказались много ниже своих учителей. Они разбились на множество школ и сект и занимались разработкой различных проектов изменения и улучшения жизни трудящихся в рамках существующего капиталистического строя.

Практическая беспомощность и полная несостоятельность различных школ мелкобуржуазного утопического социализма проявилась в период революции 1848—1849 гг. Ибо как раз в это время народные массы более всего нуждались в руководителях и программах борьбы. А пророки различных утопических школ неудачно пытались привести в жизнь свои захарские рецепты «улучшения» общества.

² Цитируется по книге «Революции 1848—1849», т. 1 (М., изд. АН СССР, 1952, стр. 186).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 46.

1

12

13

14

15

16

17

18

19

Вот что писал об этом периоде В. И. Ленин: «Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения; неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности демократических преобразований разными якобы социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п. Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам до-марксовского социализма»⁴.

Нужно заметить, что художники «Дома Роше» хорошо понимали практическое бессилие и несуществимость утопических проектов своих современников-социалистов. Этикетки осмеяли мелкобуржуазного социалиста Луи Блана, чье имя позднее, после выхода в свет известной работы В. И. Ленина⁵, стало символом предательства и соглашательства. В 1848 г. Луи Блан был председателем печально знаменитой Люксембургской комиссии по рабочему вопросу, «социалистической синагоги», как ее называл Маркс. На деле эта комиссия, создавая видимость заботы правительства о положении пролетариев, только отвлекала их от решительной борьбы с эксплуататорами. На ее заседаниях Луи Блан развивал утопические идеи организации труда, ранее изложенные им в одной из своих книг.

Над этим и посмеялся «Maison Roche» (рис. 13). Тучный обжора сидит за столом. На стене лозунги: «Да здравствует Луи Блан» и «Организация труда». Подпись: «Потребление. Каждому по потребности». Совершенно очевидно, что автор карикатуры, по-видимому, не экономист и не философ, гораздо лучше ученика утописта понимал, какая организация труда единственно возможна в капиталистическом обществе. Осмеян художниками фирмы и несбыточный проект создания коммунистической общины в Америке, выдвинутый Э. Кабе в его знаменитой книге «Путешествие в Икарию» (рис. 14). Кабе в дорожном платье, с саквояжем, на котором написано «Икария», говорит солдатам: «Раз вы не хотите коммунизма, я удаляюсь в Икарию, а вы не смейте там появляться!». Этикетка называется «Месть господина Кабе».

Не единожды задели этикетки и другого мелкобуржуазного социалиста — Пьера Жозефа Прудона, отца анархизма, создателя многочисленных проектов рабочих ассоциаций и трудовых банков, призванных уничтожить капитализм, автора широкоизвестной книги «Что такое собственность?». Ответ Прудона на вопрос, поставленный в заглавии книги, был прост — «краже». И вот отец спрашивает у Прудона, держащего на плечах ребенка (рис. 15): «Ну, философ, твоё ли это потомство?». И получает ответ: «Гм, кто знает?».

Разногласия между различными социалистическими школами «увековечены» в изображении ожесточенной драки между издателями газеты «Мирная демократия» — Прудоном и Виктором Консiderаном (рис. 16).

Конечно, все это, как говорится, «критика справа», стремление подорвать значительное в то время влияние социалистов-утопистов на массы. В насмешках чувствуется неприязнь к самому социализму, а не только к его отдельным представителям. Но в меткости насмешек художникам отказывать нельзя.

Демократическая общественность Франции во время революции 1848—1849 гг. пристально и с большим беспокойством следила за действиями европейской реакции и приветствовала успехи освободительного движения в других странах. Поэтому художники фирмы с живейшим удовольствием изобразили «злоключения» монархов, согнанных с престола революцией.

Вот Фердинанд неаполитанский, прозванный «королем-бомбой» за зверскую бомбардировку города Мессини (рис. 17). Солдаты вышли из повиновения, и он сам вынужден охранять свой дворец, стоя на часах в походной форме, но с ко-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1—2.

⁵ В. И. Ленин. Луиблановщина. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 127—130. Статья была написана в апреле 1917 г.

роной на голове. На другой этикетке (рис. 18) собирает свои вещички его тезка — австрийский император, вынужденный бежать в мае 1848 г. из Вены в Тироль, а затем и отречься от престола. На рисунке император говорит дежурному офицеру: «Если меня будут спрашивать, скажите, что я в деревне»... Сзади стоит лакей с чемоданом. На другой коробке (рис. 19) об этом бегстве уже объявляет глашатай: «К общему сведению! Потерян император по имени Фердинанд! Будет выдано вознаграждение тому, кто его приведет».

Осмеян «Домом Роше» и «Grand Turg», султан. Этикетка (рис. 20), озаглавленная «Великий турок стал либералом», издевается над «либеральными» реформами в его стране. Султан провозглашает: «Нет больше рабов — пусть им всем отрубят головы! Нет больше привилегий — пусть все женщины будут водворены в мой гарем! Нет больше вина — я его конфискую!».

Не забыт марсельскими художниками и главный оллют международной реакции, «жандарм Европы» — Николай I. Русский император (рис. 21) набрасывается на казака, читающего французский юмористический журнал буржуазно-республиканского направления «Charivari»: «Как! Этот казак читает французский журнал? Расстрелять его! Так он не будет на него подписываться». На стене объявление: «Читать «Charivari» запрещается под страхом смерти». Карикатура носит название «Юмор Николая». Это насмешка над попытками царского правительства закрыть доступ в Россию либеральным идеям.

Есть и карикатуры на куда более серьезную тему (рис. 22). В поражении европейских революций в 1848—1849 гг. немалую роль сыграла иностранная военная интервенция. Царские войска подавили революцию в Венгрии, прусские — в Пфальце и Бадене, австрийские и французские — в Италии и т. д. Этикетка изображает трех монархов за столиком в ресторане. Вооруженные огромными ножами и вилками, они требуют от официанта: «Приготовьте нам Французскую Республику под белым соусом, а Римскую — с салатом. И, живо, живо!». На фартуке официанта надпись: «Радецкий». Оказывается, это главнокомандующий австрийской армией, которая в 1848—1849 гг. подавляла революцию на севере Италии. Видимо, фирма оценивала общеевропейскую политическую ситуацию вполне здраво.

Однако главной темой карикатур, помещенных «Домом Роше» на свои спичечные коробки, несомненно являются события в самой Франции. Художники очень верно уловили основное направление развития политической борьбы — постепенное усиление реакции и подготовка к восстановлению монархии.

10 декабря 1848 г. во Франции состоялись президентские выборы. И, конечно, художники фирмы не могли не откликнуться на это событие. Главным объек-

том их насмешек стал сам будущий президент Луи Наполеон Бонапарт, «Наполеон малый», как назвал его Виктор Гюго.

Этикетки изобразили этого кандидата во множестве видов. И пытавшегося совершить государственный переворот (рис. 23), и щеголяющего в пышной военной форме (рис. 24 и 25), и в виде «племянника своего дяди» Наполеона I, в треугольной шляпе, сером походном сюртуке и с орлом — символом династии Бонапартов (рис. 26). Одно из последних изображений (рис. 27) рисует президента под императорским венцом, правда, еще окружающим буквами «R. F.» — «Французская Республика». Это уже прямое разоблачение планов монархического переворота, который и был произведен 2 декабря 1851 г.

«Дом Роше» не побоялся прямо назвать Луи Наполеона убийцей Республики. На рис. 28 он, одетый опять же в костюм дяди, готовится отрубить саблей голову Марианне, выглядывающей из окошечка тюрьмы с надписью: «République indivisible», т. е. «неделимая Республика» — политический термин того времени.

Еще одно обвинение в подготовке реставрации империи интересно тем, что здесь во французской публикации допущена ошибка. Надпись на этикетке гласит (рис. 29): «Наполеон Бонапарт. Дипломат вчера, демократ сегодня, император завтра». Автор пояснительного текста считает, что здесь изображен Луи Бонапарт. Но это не так. Это карикатура на его двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта, сына короля Вестфальского Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона I.

В 1849 г. принц Наполеон был назначен послом в Испанию, но за демагогически-оппозиционную речь (он вообще заигрывал с демократией) против правительственный политики получил отставку. Как ближайший родственник Луи Наполеона, он в случае восстановления империи стал бы наследником престола⁶. Эти моменты и имеет в виду автор карикатуры.

Рядом с принцем-президентом на спичечные коробки попал один из крупнейших политиков Франции XIX века, будущий палач Коммуны, Л. А. Тьер. «Этот карлик-чудовище, в течение почти полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идеиное выражение ее собственной классовой испорченности», — писал К. Маркс⁷.

Этикетки высмеяли многих реакционных политических деятелей того времени: легитимиста Ларошаклена (рис. 30), генерала Шантарнье (рис. 31), министра Барро (рис. 32) и других. Но Тьер бесспорно заслужил наибольшее внимание.

Длинный политический путь Тьера был богат беспринципными переменами фронта и предательствами. Вот он в 1840 г. (рис. 23) сидит в засаде, поджидая Луи Бонапарта, который высажился с отрядом в Булони и пытался поднять во Франции бонапартистский мятеж. Тьер был тогда председателем совета министров. Надпись гласит: «В 1840 г. господин Иуда поймал принца в капкан». 1848 г. (рис. 33) — Тьер, встав на скамеечку (он был очень маленького роста) обнимает Наполеона. Надпись: «В 1848 г. он обнимает, он обожает президента Республики».

Среди причин победы Луи Бонапарта на президентских выборах 1848 г. не последнее место занимала поддержка так называемой «партии порядка» — коалиции монархистов, идеиным вождем которой, по определению Маркса, был Тьер. На одной из этикеток эта партия изображена в виде шутовского войска верхом на палках (рис. 34). Сторонники свергнутых в 1830 и 1848 гг. династий Бурбонов и Орлеанов — легитимисты, представлявшие землевладельческую аристократию, и орлеанисты, защищавшие интересы крупной финансовой буржуазии, — решили поддержать кандидатуру Луи Наполеона, надеясь использовать срок его президентства для подготовки возведения на престол своих многочисленных ставленни-

⁶ Действительно, в 1852—1856 гг., до рождения у Наполеона III сына, принц Наполеон официально считался его преемником.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 324.

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

ков⁸. Поэтому на одной из этикеток Тьер изображен руководящим чисткой одежды Наполеона I (рис. 35): «Они поправляют старое заново. Все ново, все красиво!».

Очевидно, это намек также и на исторические труды Тьера, в которых он, по выражению Маркса, «чистил сапоги Наполеона»⁹. И, наконец, Тьер изображен в виде «политического Макера» (рис. 38). Робер Макер — ловкий пройдоха, тип дельца Июльской монархии, созданный на сцене в 30-х гг. XIX века актером Ф. Леметром и увековеченный в карикатурах О. Домье.

После избрания Луи Бонапарта президентом началось быстрое наступление реакции. 13 июня 1849 г. был нанесен сильнейший удар демократическому лагерю. Власти силой оружия разогнали мирную демонстрацию, организованную «горой» — республиканско-демократической фракцией Законодательного собрания — в знак протеста против нападения французских войск на Римскую республику. Вожаки «горы» вынуждены эмигрировать, разгромлены многие республиканские газеты... Одна из этикеток (рис. 39) изображает разбитую типографскую машину, валяются обрывки газет «Народ» и «Республика». Надпись: «Нашествие вандалов. Разломано, разбито порядочным и умеренным способом». Последние слова являются намеком на «партию порядка», видные члены которой входили тогда в правительство.

Преследования демократов и республиканцев отражены также на следующих этикетках. Солдаты хватают рабочего, который спрашивает: «За что? Я ведь сказал «табакерка» (*tabatière*), а не «долой Тьера» (*à bas Tiers*)» (рис. 40). А на рис. 41 председатель совета министров Одilon Барро, изображенный в виде строгой мамаши, шлепает, связывает и вешает на стенку детишек — демократические свободы. «Благодаря матушке Барро, наши свободы оказались слегка перевязанными», — констатирует художник.

Не забыто и пресмыкательство лидеров «партии порядка» перед президентом, их постепенный переход на его сторону, отразивший растущие симпатии:

33

34

35

⁸ Эти претенденты тоже не забыты «Домом Роше». На рис. 36 изображен «внук моего деда» — граф Шамбор, в пользу которого отрекся от престола в 1830 г. последний Бурбон на французском престоле — Карл X. Генрих V, так легитимисты называли его, уже в короне, со скапетром и лилией — геральдическим знаком династии.

Орлеаны представлены на этикетке принцем Жуанвилем (рис. 37), «дядей моего племянника» графа Парижского, в пользу которого отрекся в 1848 г. его дед Луи-Филипп. Принц, намечавшийся в кандидаты на президентский пост после Луи Бонапарта, изображен во всем блеске морской формы (он был адмиралом). На плече у него гальский петух. Это намек на демагогически-патриотическую политику его отца.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 326.

36

37

38

буржуазии к бонапартизму, рассматриваемому как гаранция «порядка» и подавления революционного движения. На рис. 42 бывшие орлеанисты Барро и Фоше «отгоняют комаров, которые могут нарушить сон великого султана». Луи Бонапарт изображен в виде турка, а комары — принц Жуанвиль и Генрих V.

Политическая направленность этикеток-карикатур проявляется очень ярко и ясно. Симпатии художников и владельцев «Дома Роше» несомненно на стороне буржуазных, так называемых «трехцветных»¹⁰ республиканцев, выражавших интересы промышленной и торговой буржуазии Франции. Об этом свидетельствуют многочисленные выпады этикеток против политических противников — орлеанистов, легитимистов, социалистов — и отсутствие на спичечных коробках лидеров «трехцветных» — Марраста, Гарнье-Пажеса, Марри и других.

Не случайно фирма не откликнулась на великие революционные выступления рабочего класса и даже на июньское восстание 1848 г. — первую великую битву между пролетариатом и буржуазией. Ведь в эти дни буржуазные республиканцы обнаружили свое подлинное лицо палачей трудащихся. О такой политической позиции «Дома Роше» свидетельствует и изображение на этикетках стремления различных политических партий привлечь на свою сторону народные массы (рис. 43 и 44). Здесь объектом насмешки стали крайние левые и правые группировки. Один из уличных ораторов восклицает: «Рабочие, братья мои, реакционеры организуют заговор. Сохраняйте спокойствие!». Другой: «Господа! Мы на пороге нового восстания, социалисты замышляют новый удар. Будем тверды и едины!». Никто их не слушает. Ирония здесь не совсем объективна. Именно крайние партии приобретали в 1849—1852 гг. все большее влияние, а буржуазно-республиканские лидеры оказались в изоляции не только от масс, но и от класса, который представляли в 1848 г., и потерпели политическое банкротство.

Буржуазно-республиканские симпатии фирмы ярко видны и на примере этикеток, посвященных президентским выборам 1848 г. Мы не найдем на этикетках кандидата «трехцветных» — генерала Кавеньяка, зверски подавившего июньское восстание парижских рабочих. Зато, кроме Луи Бонапарта, этикетки резко осмеяли двух противников Кавеньяка из республиканского лагеря — лидера мелко-буржуазных демократов Ледрю-Роллена и известного поэта Ламартина, бывшего очень популярным деятелем в начале революции, но в конце 1848 г. не представлявшего какого-либо серьезной политической группировки (рис. 45 и 46). В этом отражение постепенного «поправления» буржуазии, ее перехода на сторону бонапартистов.

¹⁰ «Трехцветным» (*«Tricolore»*) в просторечии назывался сине-белое-красный флаг республиканской Франции.

Этикетки «Дома Роше» выполнены безусловно мастерами своего дела. Рисунки — очень искусные, живые, с большим портретным сходством.

Очень удачен выбор тем карикатур. Они затронули самые больные и острые вопросы истории революционных лет. Решение тем свидетельствует о тонком политическом чутье авторов, о довольно ясном понимании ими сущности происходящих событий. В рисунках и в хлестких остроумных подлисях нет ничего «наивного», как утверждает сопроводительный текст альбома. Наоборот, перед нами смелая и очень умная политическая сатира.

С наступлением реакции политическая атмосфера становилась более тяжелой. Сатирическое изображение представителей власти и их сторонников становилось небезопасным. Не случайно при Второй империи производство и продажа спичек были превращены в государственную монополию. Как пишет автор рассмотренного нами альбома, совершившийся государственный переворот 2 декабря, «и новый император запретит владельцу спичечной фабрики Роше в Марселе сатирические этикетки».